

17401.

1844

11/11/11

17401.
Наблюдо 1896, II

70849

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

(18 января 1866 г.).

Въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, на значкахъ должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго общественнаго управленія отмѣчены два числа: «12 іюля 1889 г.» (день утвержденія названнаго законоположенія) и—всѣмъ извѣстное, многознаменательное «19 февраля 1861 г.». Такое сопоставленіе можетъ подавать поводъ къ предположенію, что сельское населеніе Россіи пережило одну и ту же исторію, съ одинаково знаменательными числами... Но русская крестьянская масса далеко не однородна съ точки зрѣнія чиселъ, которыми обозначаются, для краткости, различные законодательные акты. Напротивъ, она дѣлится въ этомъ отношеніи на двѣ совершенно различныя половины. Дѣло въ томъ, что, благодаря начавшимся съ конца прошлаго столѣтія мѣропріятіямъ, преградившимъ нѣкоторые пути къ распространенію крѣпостной зависимости, въ особенности же благодаря прекращенію въ 1801 г. обычая жаловать населенныя имѣнія,—не все наше крестьянское населеніе было подчинено помѣщичьей власти. Такимъ образомъ, ко времени 19 февраля 1861 г. крѣпостное населеніе составляло лишь тридцать четыре процента общаго населенія и равнялось почти половинѣ всего числа сельскихъ обывателей страны ¹⁾. Остальную половину составляли свободные сельскіе обыватели, главнымъ же образомъ—*государственные крестьяне*.

Что же, однако, означаетъ, и означаетъ ли что либо число «19 февраля 1861 г.» на значкахъ должностныхъ лицъ изъ среды всегда свободныхъ сельскихъ обывателей? Слѣдуетъ сказать, что 19 февраля 1861 г., дѣйствительно, имѣетъ значеніе и для этихъ послѣднихъ обывателей, хотя нѣсколько иное, особое. Но для того чтобы понять это, необходимо указаніе на другія числа, обозначающія различные законодательные акты. Главнымъ же образомъ, нужно для этого имѣть въ виду «18 января 1866 г.». Нелишне вспомнить съ этимъ числомъ и нѣкоторыя другія, сюда относящіяся. Къ тому же, 18 января 1896 г. исполняется тридцать лѣтъ со дня реформы, имъ обозначаемой. Въ виду этого, сдѣлаемъ краткій обзоръ исторіи свободныхъ сельскихъ обывателей. Она у насъ весьма мало

¹⁾ *Тройницкій*. «Крѣпостное населеніе Россіи по даннымъ десятой народной переписи», 89 и 91 с.

принимается во вниманіе и очень часто совершенно забывается ¹⁾... Между тѣмъ, здѣсь,—какъ всегда и вездѣ,—исторія поучительна: она объясняетъ настоящее и наставляетъ относительно будущаго.

I.

Несомнѣнно, что въ древности нѣкоторые крестьяне,—какъ оказавшіеся въ послѣдствіи укрѣпленными въ частную зависимость, такъ и оставшіеся лично свободными,—имѣли свои собственные земли. На это существуютъ многочисленныя указанія ²⁾. Право приобрѣтенія земельной собственности обыкновенными способами ничѣмъ и ни для кого не было тогда преграждено. Крестьяне могли имѣть къ этому и матеріальныя средства. Кромѣ того, при массѣ свободныхъ земель, могли получать въ то время широкое примѣненіе и первоначальныя всѣмъ доступныя способы приобрѣтенія земельной собственности: заимка и овладѣніе. Но въ послѣдствіи земли, никѣмъ незанятыя, и даже отчасти земли, занятыя уже крестьянами, какъ бы признаны были княжескою собственностью. Часть такихъ земель была раздана, затѣмъ, въ помѣстья служилымъ людямъ; часть составила дворцовыя имущества, предназначавшіяся для содержанія царскаго дворца, а осталая часть образовала собою тяглыя земли съ крестьянами, имѣя крѣпкими. Крестьяне эти въ XVII столѣтіи стали называться «государевыми», а въ 1714 г. имъ придано было названіе «государственныхъ». При этомъ же, изъ ихъ состава были выдѣлены крестьяне дворцовые и до извѣстной степени сравнены съ помѣщичьими. Такимъ образомъ, въ этомъ году была проведена въ самомъ законодательствѣ раздѣльная черта между свободными и прочими сельскими обывателями ³⁾. Далѣе, въ 1724 г., къ государственнымъ крестьянамъ отнесены были: дворцы, татары ясачные, пашенныя сибирскіе крестьяне, прежнихъ службъ низшіе служилые люди и «другіе имъ подобные». Съ тѣхъ поръ, въ разрядъ государственныхъ крестьянъ стали входить: крестьяне, освобождавшіеся отъ владѣльческой зависимости (напр., свободные хлѣбопашцы); крестьяне, отбавившіеся отъ разныхъ установленій, въ родѣ церквей и монастырей (экономическіе), и лично

¹⁾ Для выясненія значенія закона и обычая въ исторіи крестьянскаго соловія, обзоръ этотъ послужитъ дополненіемъ къ статьѣ нашей: «Закрѣпощеніе и освобожденіе крестьянъ», напечатанной въ №№ 5 и 6 «Наблюдателя» за 1895 г.

²⁾ Указанія этого рода дѣлаетъ, между прочимъ, Бѣляевъ («Крестьяне на Руси»). Далѣе, Сперанскій, съ своей стороны, высказалъ: «Свободные крестьяне, по силѣ добровольныхъ условій, не только могли съ одной земли переходить на другую, но могли и сами покупать земли и угодья на собственное имя и пользоваться ими также, какъ и прочіе владѣльцы». («Обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности»,—въ кн. 2 «Архива» Калачова 1859 г.).

³⁾ Заблоцкій-Десятовскій—«Графъ Киселевъ и его время», томъ II; Калмыковъ—«Обозрѣніе постепеннаго образованія разныхъ классовъ сельскихъ обывателей», въ кн. 3 «Архива» Калачова 1859 г.; Сводъ законовъ, изд. 1832, 1842 и 1857 гг.

свободные крестьяне постепенно присоединившихся къ Россіи областей (цараны, сельскіе обыватели Закавказья и пр.). Такимъ же образомъ, въ этомъ разрядѣ оказалась цѣлая масса лицъ сельскаго состоянія разныхъ «именованій», одно перечисленіе которыхъ въ IX томѣ Свода законовъ разныхъ изданій занимаетъ четыре страницы, образно и ярко доказывающія все разнообразіе и многочисленность оттѣнковъ въ исторіи русскаго крестьянскаго сословія.

Положеніе дворцовыхъ крестьянъ (раздѣленныхъ въ 1797 г. на крестьянъ удѣльныхъ имѣній, предназначавшихся для содержанія членовъ императорскаго дома, и на крестьянъ имѣній собственно дворцовыхъ и принадлежавшихъ, на правахъ личной собственности, государю)—всегда было лучше положенія крестьянъ помѣщичьихъ: они менѣе зависѣли отъ частнаго интереса. Когда же стала ослабляться самая крѣпостная зависимость, а нѣкоторыя гражданскія права, въ родѣ права приобрѣтенія земельной собственности,—отнятыя въ XVIII вѣкѣ у всѣхъ свободныхъ сельскихъ обывателей,—съ конца того же вѣка и въ слѣдующемъ столѣтіи начали возвращаться крестьянамъ дворцовымъ вмѣстѣ съ государственными,—то первые до извѣстной степени вновь приблизились къ состоянію свободныхъ сельскихъ обывателей. По своду законовъ 1857 г., они именно и признавались свободными, въ прямую противоположность помѣщичьимъ, крѣпостнымъ, которымъ наиболѣе соотвѣтствовали въ XVIII вѣкѣ. Однако, управленіе дворцовыми крестьянами и въ текущемъ столѣтіи носило характеръ вотчинный, помѣщичій. Весьма немногія постановленія о нихъ входили въ общій сводъ законовъ. Составленный же въ этомъ столѣтіи «сводъ удѣльныхъ постановленій» не былъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ бы по отсутствію въ немъ общаго государственнаго интереса, и сдѣлался, нѣкоторымъ образомъ, секретомъ... Отсюда—характеристика положенія удѣльныхъ крестьянъ, какъ основаннаго въ значительной степени на *обычаѣ*. Общеобязательнымъ *закономъ* положеніе ихъ не было опредѣлено точно и ясно. Въ виду этого, за 19-мъ февраля 1861 г. неизбежно должно было послѣдовать преобразование положенія крестьянъ удѣльныхъ, дворцовыхъ и государевыхъ имѣній. Оно и состоялось именно 26 іюня 1863 г. (число, которое и должно было бы отмѣчаться на значкахъ должностныхъ лицъ изъ этой среды), но — не въ смыслѣ перевода ихъ въ положеніе государственныхъ крестьянъ, также не въ смыслѣ распространенія на нихъ устройства, существовавшаго между послѣдними, какъ слѣдовало ожидать, а въ смыслѣ примѣненія къ нимъ тѣхъ же, *несвободныхъ еще отъ обычая*, началъ, на которыхъ были устроены освобожденные крестьяне въ переходное время... А такъ какъ крестьяне удѣльные считались свободными сельскими обывателями, то въ новомъ узаконеніи не пришлось говорить объ отмѣнѣ, относительно ихъ, какой либо зависимости,—какъ было сказано относительно крѣпостныхъ крестьянъ 19 февраля 1861 г. На крестьянъ имѣній удѣльныхъ, государевыхъ и дворцовыхъ распространено было собственно общественное устройство освобожденныхъ крестьянъ, а также одинаковое съ послѣдними надѣленіе землею (но съ обязательнымъ выкупомъ съ самаго начала), и они были подчинены также дѣйствію мѣстныхъ сословно-дворянскихъ учреж-

деній по дѣламъ освобожденныхъ крестьянъ. Поэтому, между прочимъ, среди нихъ перестали существовать отдѣльныя селенія, какъ особыя сельскія общества съ правами юридическихъ лицъ, и образовались сложныя, состоящія изъ нѣсколькихъ селеній, сельскія общества, со всею неопредѣленностью и невыгодами обычно-правового положенія для составныхъ частей (отдѣльныхъ селеній), лишенныхъ естественной, необходимой самостоятельности. Что же касается до гражданскихъ правъ, то разсматриваемые крестьяне имѣли ихъ не менѣе, чѣмъ освобожденные крестьяне, и потому о нихъ и не упоминалось съ особою точностью въ законѣ 26 іюня 1863 г. Если же ст. 90 тома II свода удѣльныхъ постановленій ставила уплату оброка «первѣйшимъ» долгомъ удѣльнаго крестьянина и, стало быть, — выводитъ отсюда Заблоцкій-Десятовскій («Гр. Киселевъ», т. II, 176) — «исполненіе этого долга ставила выше всѣхъ обязанностей семейныхъ и гражданскихъ, и такимъ образомъ въ уплатѣ оброка видѣла предназначеніе всей жизни удѣльнаго крестьянина», — то вѣдь и среди распространенныхъ на удѣльнаго крестьянина обязанностей крестьянина освобожденного, за двухсторонне-обязательнымъ надѣленіемъ послѣдняго помѣщичьею землею, трудно отыскать такую обязанность, которая стояла бы на первомъ планѣ и болѣе поглощала бы его, чѣмъ обязанность платить оброкъ помѣщику... Исполненіе удѣльнымъ крестьяниномъ «первѣйшаго» долга было обезпечено въ новомъ положеніи не менѣе, и прочія его семейныя и гражданскія обязанности (и права) не получили передъ этимъ долгомъ особыхъ преимуществъ... Весьма важнымъ новымъ явленіемъ въ жизни удѣльнаго крестьянина былъ тогда только переходъ его прямо на выкупъ, хотя и со столь же неопредѣленными правами «собственности» на землю, какъ неопредѣленны были эти права «крестьянина-собственника» изъ числа бывшихъ крѣпостныхъ.

II.

Финансовое, служебное, вообще подчиненное значеніе — составляетъ, чуть не съ самаго начала нашей исторической жизни, преобладающую черту въ положеніи крестьянина, — черту, обуславливавшую собою возникновеніе цѣлаго ряда *обычаевъ*, подѣйствіяхъ которыхъ онъ живетъ. Не говоря о входившихъ въ составъ государственныхъ крестьянъ различныхъ разрядахъ, самыя наименованія которыхъ проистекали отъ какихъ либо, возлагавшихся на нихъ, особыхъ повинностей (коннозаводскіе, заводскіе, засѣчные сторожа, солеломщики, солевозчики, ямщики и пр.), главнѣйшая масса собственно государственныхъ крестьянъ, номинально свободныхъ сельскихъ обывателей, вплоть до 1838 г., была свободною лишь въ томъ смыслѣ, что не была укрѣплена ни въ чью *частную* собственность. Законъ не опредѣлялъ ея положенія съ надлежащею твердостью и ясностью; *по обычаю же*, и она считалась принадлежащею государству на правахъ нѣкоторой *собственности*, подобно помѣщичьимъ крестьянамъ... Это были крестьяне «казенные», какъ ихъ называли иногда. Отсюда — прямая раздача государственныхъ крестьянъ частнымъ лицамъ, прекратившаяся только въ началѣ

нынѣшняго столѣтія; отсюда—состоявшееся въ текущемъ же вѣкѣ переименованіе значительнаго числа государственныхъ крестьянъ въ военные поселяне и перечисленіе около трехсотъ тысячъ—въ крестьяне удѣльные; отсюда же—взглядъ на нихъ, вообще, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ.

Могло ли и быть иначе? Могло ли положеніе одной половины сельскаго населенія характеризоваться началомъ государственности, законности и равенства съ прочими гражданами—въ то время какъ положеніе другой половины отмѣчено было преобладающимъ вліяніемъ частнаго интереса, обычая, произвола? Между различными сторонами государственной жизни существуетъ извѣстное взаимодѣйствіе, и крѣпостная зависимость не могла не отражаться на положеніи не только свободной части собственно сельскаго населенія, но и на положеніи всѣхъ прочихъ гражданъ, не пользовавшихся особыми привилегіями.

Господство частнаго интереса обуславливается и поддерживается—отсутствіемъ точно и ясно опредѣленныхъ правъ и недостаткомъ надлежащей защиты ихъ. До окончательнаго обособленія отъ другихъ сословій, съ развитіемъ послѣднихъ, государственные крестьяне раздѣляли въ древности, вмѣстѣ съ прочими гражданами, общее положеніе неопредѣленности и незащитности. Выгоды и невыгоды ихъ положенія были сравнительно общими. Относительно государственныхъ крестьянъ дѣйствовали—общій судъ, общее управленіе, общіе законы, общія правовыя начала. Обычай могъ развиваться среди нихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и среди другихъ гражданъ. Но вслѣдствіе большаго обремененія государственныхъ крестьянъ налогами по основанію наилегче уловимому, какова земля, и отсюда вслѣдствіе большаго обѣдненія, равно по отдаленности ихъ отъ участія въ управленіи—тѣмъ легче могли быть попираемы различныя права ихъ, не выраженные ясно въ законѣ и опиравшіяся на одни обычаи,—тѣмъ легче одни обычаи могли быть замѣняемы другими, противоположными по своему юридическому содержанію. Въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху сословныхъ привилегій и гражданскаго неравенства, вмѣстѣ съ полнымъ обезличеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ, можно наблюдать и значительное умаленіе личности крестьянъ государственныхъ, переходившее даже изъ обычая въ законъ,—уменьшеніе ихъ общихъ гражданскихъ правъ. Земледѣльцы по своему быту, они были лишены даже права пріобрѣтать орудіе своего главнѣйшаго, исключительнаго труда—землю...

Очень естественно, поэтому, что вмѣстѣ съ первыми предположеніями объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ должны были явиться предположенія и объ упроченіи *закономъ* положенія крестьянъ государственныхъ. Со второй половины XVIII столѣтія, и дѣлаются нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи. Въ 1760 г. узаконяется положительно выборъ старостъ самими крестьянами; въ 1761 г. утверждается въ законѣ *мірской сходъ* съ нѣкоторыми правами по разрѣшенію собственныхъ дѣлъ; учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. вводитъ представителей отъ государственныхъ крестьянъ, подъ именемъ «засѣдателей», въ составъ цѣлаго ряда мѣстныхъ установленій; въ 1779 г. издается постановленіе о томъ, что государственные крестьяне не могутъ быть наказываемы иначе, какъ

по суду. Далѣе, въ 1787 г. учреждается сельское управленіе въ казенныхъ имѣніяхъ екатеринославскаго намѣстничества; въ 1790 г. устанавливается раздѣленіе государственныхъ крестьянъ на волости въ ярославской и вологодской губерніяхъ; въ 1797 г. создается уже повсемѣстное распредѣленіе казенныхъ имѣній по волостямъ и извѣстное внутреннее управленіе ими. За этимъ слѣдуютъ законы 1805, 1811, 1812 и 1817 гг.—о сельскомъ общественномъ управленіи, о разбирательствѣ мірскими сходами дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ государственныхъ крестьянъ и о наложеніи на виновныхъ извѣстныхъ взысканій и пр. При всемъ томъ, Екатерина II и Александръ I имѣли въ виду упрочить положеніе государственныхъ крестьянъ *особыми грамотами*, подобно тому какъ дарованы были грамоты дворянству, городскому сословію и пр. (*Заблочкий*—т. II, 31—33).

Всѣ состоявшіяся, такимъ образомъ, постановленія о государственныхъ крестьянахъ представлялись, однако, неполными, разрозненными. Общая юридическая идея не соединяла ихъ. Они оставляли еще весьма много мѣста произволу, обычаю. Служебное, финансовое значеніе государственныхъ крестьянъ выступало еще также весьма ярко. Среди изданныхъ постановленій были проникнутыя исключительно фискальнымъ духомъ. Таково было, напримѣръ, постановленіе отъ 1769 г., устанавливавшее для государственныхъ крестьянъ круговую поруку въ платежахъ,—причемъ воспроизводился обычай, существовавшій во всей силѣ среди помѣщичьихъ крестьянъ. При круговой же поруцѣ, недоимки взыскивались съ безпощадною строгостью. Между тѣмъ, земельное устройство государственныхъ крестьянъ было крайне неудовлетворительно. До шестисотъ тысячъ государственныхъ крестьянъ вовсе не имѣли земли; между остальною же массою земля распредѣлялась такъ неравномѣрно, что у однихъ было по двадцати и болѣе десятинъ на душу, а у другихъ едва было и по полудесятинѣ. Платежи не находились, при этомъ, въ какомъ либо соотвѣтствіи съ доходами отъ земли или промыслами крестьянъ,—они лежали прямо на «душахъ».

Не только иные, но и чисто финансовые результаты такого порядка вещей—не могли быть удовлетворительными. Но, вмѣсто систематическаго улучшенія положенія государственныхъ крестьянъ, въ 1826 г. былъ сдѣланъ опытъ распространить порядокъ управленія удѣльными имѣніями—на казенныя селенія петербургской и псковской губерній. При этомъ имѣлись въ виду преимущественно фискальныя цѣли, которыя отчасти и достигались. Вслѣдствіе же этого, черезъ нѣсколько лѣтъ, явилось предположеніе о распространеніи указываемаго опыта еще на десять губерній... Къ счастью, въ 1836 г. на дѣло устройства государственныхъ крестьянъ было обращено особое вниманіе императора Николая I, и оно было возложено на одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ дѣятелей—на П. Д. Киселева, впослѣдствіи графа.

Плодомъ трудовъ Киселева, основанныхъ какъ на глубокомъ теоретическомъ изученіи предмета, такъ равно на мѣстныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ особо командированными лицами, и на личномъ подробномъ изслѣдованіи въ нѣсколькихъ губерніяхъ (по двѣ волости),—явился въ 1838—1839 гг. замѣчательный памятникъ крестьянскаго

законодательства, рѣдкій, по своей ясности, стройности и согласованности многочисленныхъ его частей: учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ, губернскаго, окружнаго, волостнаго и сельскаго управленій, и рядъ различныхъ уставовъ, имѣвшихъ въ виду благоустройство крестьянъ и охраненіе ихъ юридическихъ интересовъ. Врагъ всякаго произвола, человѣкъ, одушевленный благороднѣйшими стремленіями, государственный дѣятель, убѣжденный въ томъ, что «законность, — какъ онъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ, — есть единое прочное основаніе всякаго порядка и благосостоянія» (Заблоцкій—т. II, 125), и глубоко сознавшій особую необходимость оградить закономъ права именно крестьянской массы, столь попиравшіяся существовавшими обычаями, — Киселевъ провелъ со строжайшей послѣдовательностью *идею законности* чрезъ всѣ свои предположенія.

Государственные крестьяне поступали изъ министерства финансовъ въ вѣдѣніе особаго министерства государственныхъ имуществъ, какъ центральнаго установленія. На мѣстахъ образовались палаты государственныхъ имуществъ (въ губерніяхъ) и окружныя управленія (въ уѣздахъ). Рядомъ съ нимъ получало широкое развитіе и твердую постановку крестьянское самоуправленіе, волостное и сельское ¹⁾. Помимо точнаго и яснаго опредѣленія правъ и обязанностей между различными установленіями и указанія порядка ихъ дѣйствій, — для каждаго учрежденія и лица составлены были особые указы, утвержденные законодательнымъ путемъ. Министръ, какъ и сельскій писарь, поставлены были въ строгіе предѣлы точнаго и яснаго закона. Государственнымъ крестьянамъ даны были широкія права — общія и особенныя. Права эти были вмѣстѣ съ тѣмъ ограждены закономъ отъ нарушенія, поскольку это было возможно при существованіи въ странѣ крѣпостной зависимости и всесильнаго помѣщичьяго вліянія. Не только упрочено было юридическое положеніе государственныхъ крестьянъ, но устроено было и экономическое ихъ положеніе. Въ губерніяхъ многоземельныхъ они были надѣлены пятнадцатью десятинами на каждую ревизскую душу мужескаго пола, а въ малоземельныхъ — восьмью. Всѣ прочія казенныя земли считались запаснымъ фондомъ для тѣхъ же государственныхъ крестьянъ. Свободные участки и оброчныя статьи сдавались имъ же, безъ торговъ, за умѣренную плату. На случай же недостатка земли въ данной мѣстности, организованы были переселенія въ многоземельныя мѣстности съ цѣлымъ рядомъ льготъ и пособій для переселяющихся. При этомъ земли были, большею частью, точно обмежеваны и оцѣнены, подати же — переложены съ душъ на землю и соразмѣрены съ ея цѣнностью и доходностью. Правильному веденію хозяйства оказывалось должное содѣйствіе. Государственные крестьяне перестали служить узкимъ и кратковременнымъ финансовымъ цѣлямъ — ежегоднаго выбора изъ нихъ возможно бѣльшихъ окладовъ. Достиженіе финансовыхъ цѣлей предполагалось правильно, какъ слѣдствіе развитія среди крестьянъ просвѣщенія, благосостоянія,

¹⁾ По вѣрному замѣчанію Заблоцкаго-Десятовскаго («Гр. Киселевъ», — т. II, 72), — заслуга Киселева по отношенію къ крестьянскому самоуправленію заключалась «въ устройствѣ общины на юридическихъ основаніяхъ».

и юридической обеспеченности ¹⁾). При такихъ же условіяхъ, общее положеніе государственныхъ крестьянъ въ короткое время сдѣлалось настолько удовлетворительнымъ, что результатомъ извѣстныхъ домогательствъ явилось дозволеніе вступать въ составъ государственныхъ крестьянъ дѣтямъ личныхъ дворянъ, имѣвшимъ право на потомственное почетное гражданство, и лицамъ, получившимъ по своему чину личное почетное гражданство (ст. 619 тома IX Свода законовъ, изд. 1857 г.). Слѣдовательно, тогда могла существовать не только *всесословная волость*, о которой теперь являются только нерѣшительныя предположенія, но даже *всесословное сельское общество*, о которомъ нынѣ не возникаетъ и представленій...

III.

Казалось бы, что, при указанномъ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ и при упроченіи его во время восемнадцатилѣтняго управленія Киселева министерствомъ государственныхъ имуществъ,—крестьяне помѣщичьи, если не при самомъ освобожденіи и вступленіи въ состояніе временнообязанныхъ, то при переходѣ на выкупъ, должны бы были прямо переведены въ составъ государственныхъ крестьянъ, съ распространеніемъ на нихъ всѣхъ учрежденій и правъ послѣднихъ. Легче всего было подчинить такимъ образомъ крѣпостныхъ крестьянъ дѣйствію *закона*, вмѣсто *обычая* и *произвола*, до сихъ поръ ихъ угнетавшаго. Не инымъ путемъ могли быть и ограждены права новаго разряда свободныхъ сельскихъ обывателей. Подобная мѣра естественнѣйшимъ образомъ представлялась даже тогда, когда не было еще устроено положеніе самихъ государственныхъ крестьянъ. Въ законодательной комисіи 1767 г., созванной Екатериною II, такую мѣру предлагалъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ депутатъ Масловъ (*Сергѣевичъ* — «Лекціи и изслѣдованія», 649 с.). Въ 1827 г. Сперанскій доказывалъ, что «первою мѣрою» преобразованія крѣпостной зависимости должно быть устройство государственныхъ крестьянъ, — съ тѣмъ чтобы перевести въ него помѣщичьихъ («Архивъ» Калачова, кн. 3 за 1859 г.). Значеніе такой «первой мѣры» и придано было, дѣйствительно, устройству государственныхъ крестьянъ по проектамъ Киселева. Утрачивая надежду ввести возможно больше существенныхъ улучшеній въ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ,—вслѣдствіе крайняго противодѣйствія, встрѣченнаго со стороны дворянства,—императоръ Николай именно выдѣлилъ изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ крестьянъ государственныхъ, какъ дѣло, относительно котораго «нельзя было ожидать многосторонней и упорной оппозиціи» (Заблѣцкій,—т. II, 11, 138). «Мало по малу,—говорилъ онъ Киселеву, собираясь вести *войну противъ рабства*,—кругъ нашего дѣйствія расширится»... Словомъ, мысль о переводѣ

¹⁾ Школьное дѣло получило, между прочимъ, весьма прочную организацію среди государственныхъ крестьянъ. Въ послѣдній (1856) годъ управленія министерствомъ гр. Киселевъ насчитывалъ уже въ своемъ вѣдомствѣ 2,434 училища (Заблѣцкій—т. II, 194). Были особыя профессиональныя школы писарей.

въ составъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ прочихъ полусвободныхъ и закрѣпощенныхъ сельскихъ обывателей была естественною, необходимою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень старою.

Устройство государственныхъ крестьянъ, и по своей конечной цѣли, ни для кого не составлявшей тайны, и по непосредственному своему значенію, было борьбою съ частными интересами. Какъ справедливо указывалъ, между прочимъ, Киселевъ—«интересы помѣщиковъ были тѣсно связаны съ *неустройствомъ* по управленію государственными имуществами; земли и лѣса, мало охраняемые, составляли какъ бы часть ихъ достоянія, а неуравнительность натуральныхъ повинностей между казенными и владѣльческими крестьянами сдѣлалась обычною и едва ли не почиталась правомъ, котораго при устройствѣ новаго управленія они должны лишиться». Самое существованіе *свободныхъ* сельскихъ обывателей было ненавистно помѣщикамъ, напоминая о *несвободныхъ* крестьянахъ, находившихся въ зависимости отъ нихъ. Лучшее устройство этого разряда крестьянъ тѣмъ сильнѣе кололо глаза помѣщицѣй власти. Власть же эта и соединенные съ нею частные интересы были еще столь сильны и вліятельны, что въ то самое время, когда осуществлялась киселевская реформа,—именно въ сороковыхъ годахъ,—могли возникнуть предположенія о раздачѣ казенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ кореннымъ русскимъ дворянамъ, въ видѣ майоратовъ, и о «нивелировкѣ» всѣхъ государственныхъ и помѣщицѣихъ крестьянъ, путемъ учрежденія—изъ казенныхъ земель съ государственными крестьянами—особаго рода феодальныхъ имѣній для высшаго дворянства, въ видахъ упроченія аристократическаго элемента (*Заблотицкій*, — т. II, 138 и 146 с.). Предположенія эти настолько усилились, что породили даже волненія среди государственныхъ крестьянъ (*Романовичъ-Славатинскій*—«Дворянство въ Россіи», 524). Киселевъ, съ его вліяніемъ и при довѣріи, которымъ онъ пользовался у государя, составлялъ непреодолимую преграду, стоявшую на дорогѣ для всѣхъ подобныхъ стремленій и частныхъ интересовъ. Онъ въ свое время мужественно возражалъ самому императору Николаю — и «былъ отъ буйнаго стрѣльца предъ нимъ отличенъ Долгорукой». Голосъ Киселева былъ единственнымъ—противъ перевода государственныхъ крестьянъ въ составъ удѣльныхъ и въ положеніе военныхъ поселенъ, причемъ онъ выставялъ то начало, что нужно безправнымъ давать права, а не наоборотъ. Киселевъ былъ вообще однимъ изъ самыхъ горячихъ, непреклонныхъ и послѣдовательныхъ *дѣятелей освобожденія крестьянъ*: онъ подавалъ записку по этому предмету еще императору Александру I въ 1816 г.; содѣйствовалъ освобожденію и устройству быта несвободнаго сельскаго населенія въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи во время управленія ими въ 1829—1834 гг.; принималъ живое участіе во всѣхъ, безъ исключенія, частныхъ освободительныхъ мѣропріятіяхъ, принимавшихся при императорѣ Николаѣ; былъ, между прочимъ, составителемъ проекта закона 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, причинившаго огромную тревогу въ помѣщицѣй средѣ, такъ какъ, по первоначальнымъ его предположеніямъ, имѣлось въ виду: отпустить крестьянъ на волю въ порядкѣ, установленномъ закономъ, сдѣлать обязательнымъ для помѣщиковъ, а не предоставлять это исключи-

тельно на ихъ добрую волю (въ какомъ смыслѣ и былъ, въ концѣ концовъ, измѣненъ проектъ, вслѣдствіе встрѣченнаго противодѣйствія). И — теперь, когда явились упомянутыя стремленія къ «нивелировкѣ», Киселевъ сталъ принимать мѣры противъ ихъ осуществленія. Такою мѣрою могло служить, по его мнѣнію, *подтвержденіе* въ какой либо формѣ правъ государственныхъ крестьянъ. Въ этихъ видахъ, всѣ узаконенія о послѣднихъ, входившія въ Сводъ законовъ, были изданы въ особомъ обширномъ трехтомномъ «Сборникѣ», который предполагалось преподать въ руководство при особомъ высочайшемъ указѣ. «Замыслы ниспровергнуть настоящее положеніе государственныхъ крестьянъ — думалъ онъ — будутъ, при торжественномъ его признаніи, невозможны или, по крайней мѣрѣ, затруднительны»... (*Заблוצкій*—т. II, 146—147).

Очень естественно, что, при такихъ условіяхъ, и устройство государственныхъ крестьянъ, и самъ Киселевъ—сдѣлались предметомъ непримиримой ненависти для крѣпостническихъ силъ. Никакая ложь, клевета и козни не считались здѣсь непозволительными. Всѣ усилія направлялись на то, чтобы устранить Киселева отъ крестьянскихъ дѣлъ и погубить его учрежденія...

Въ 1856 г., въ началѣ царствованія императора Александра II, серьезное положеніе политическихъ дѣлъ потребовало назначенія посломъ въ Парижъ такого лица, какимъ былъ Киселевъ. Съ болью въ сердцѣ, онъ принялъ это назначеніе, подчинившись необходимости разстаться съ любимымъ дѣломъ, которое далеко не считалъ еще оконченнымъ. Преемникомъ ему, по его собственному избранію, назначенъ былъ В. А. Шереметевъ. Но послѣдній скоро умеръ. Тогда же враги Киселева добились назначенія министромъ государственныхъ имуществъ главнаго порицателя его дѣйствій, М. Н. Муравьева, и — стройное зданіе учреждений 1838 — 1839 гг. начало тотчасъ же разрушаться... Не удивительно, что и въ послѣдовавшихъ затѣмъ предположеніяхъ объ освобожденіи и устройствѣ крѣпостныхъ крестьянъ, вырабатывавшихся при существенномъ участіи помѣщиковъ, не могло быть и рѣчи о распространеніи на этихъ крестьянъ постановленій о крестьянахъ государственныхъ. Губернскіе дворянскіе комитеты и представители отъ нихъ въ редакціонныхъ комисіяхъ по составленію положеній 19 февраля 1861 г., — далекіе отъ подобныхъ предположеній и, напротивъ того, опасаясь заимствованій, — дѣлали рѣзкія нападки на киселевскіе уставы и учрежденія. Непримируемое отношеніе къ послѣднимъ и не скрывалось. Притомъ же, на первое время, для освобожденія крестьянъ приходилось почти неизбѣжно создавать особое переходное состояніе, со значительнымъ ограниченіемъ ихъ правъ, въ виду не прекращавшихся отношеній къ помѣщикамъ по землѣ, поступавшей въ пользованіе, а не въ собственность крестьянъ, за непринятіемъ съ самаго начала обязательнаго выкупа угодій. Весьма настойчиво предлагалось также возложеніе на помѣщиковъ широкихъ правъ «вотчинной полиціи» и пр. Передача освобожденныхъ крестьянъ прямо въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ не согласовалось съ этими соображеніями. Матеріальныя и нравственныя интересы помѣщиковъ были бы слишкомъ нарушены, и ихъ раздраженіе было бы слишкомъ велико. Прямой, непосредственный

переходъ отъ крѣпостной зависимости къ тому твердому и вполнѣ обезпеченному положенію, которымъ пользовались крестьяне государственные,—былъ бы слишкомъ рѣзокъ, создавалъ бы слишкомъ крутой поворотъ. Не болѣе легкимъ оказалось распространеніе киселевскихъ учрежденій и въ послѣдующее время. Вскорѣ за 19 февраля 1861 г. наступила *реакція* въ крестьянскомъ дѣлѣ. Для самихъ государственныхъ крестьянъ, еще ранѣе того колебавшіяся, упомянутыя учрежденія заколебались еще сильнѣе... И вотъ, не далѣе какъ 18 января 1866 г. послѣдовала реформа, *исключительная* по своему значенію въ лѣтописяхъ крестьянскаго дѣла... Произошла, хотя и въ иномъ видѣ, та «нивелировка», которая угрожала государственнымъ крестьянамъ въ сороковыхъ годахъ. Они сами были изъяты изъ вѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ и подчинены сословно-дворянскимъ учрежденіямъ, образованнымъ для завѣдыванія дѣлами освобожденныхъ крестьянъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, на нихъ было распространено общественное устройство, созданное для послѣднихъ, со всѣми условіями переходнаго времени. Государственные крестьяне вступили мѣстами въ составъ находившихся подъ вотчинно-полицейскою властью помѣщика волостей и сельскихъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Руководствомъ во многихъ отношеніяхъ стали служить для нихъ законы, въ которыхъ постоянно упоминалось о крѣпостныхъ крестьянахъ, помѣщикахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Никакой особой обработкѣ законы эти не были даже подвергнуты. Доселѣ вполнѣ опредѣленное и прочное, юридическое положеніе государственныхъ крестьянъ — измѣнилось разомъ... Реформа сопровождалась необходимымъ поясненіемъ, что и съ нею — «сохраняются государственнымъ крестьянамъ всѣ права, коими они доселѣ пользовались»... Но—это были слова, не оправдывавшіяся существомъ преобразованія. Содержаніе ихъ и въ частныхъ случаяхъ могло затемняться. Законовъ, на которыхъ основывались эти права,—не стало. Законы эти стали почитаться отмѣненными, и не столько въ законодательномъ, сколько въ кодификаціонномъ порядкѣ, дѣйствительно, были потомъ показаны отмѣненными въ изданіяхъ и продолженіяхъ Свода законовъ. Прямо вопреки приведенному поясненію, закономъ 31 марта 1867 г. отмѣнено было и существеннѣйшее право государственныхъ крестьянъ на увеличеніе земельныхъ надѣловъ съ возрастаніемъ населенія. «Послѣ выдачи владѣнныхъ записей—постановлялось въ этомъ законѣ—ни размноженіе въ какомъ либо обществѣ народонаселенія, ни другія обстоятельства *не могутъ дать сельскому обществу права домогаться въпослѣдствіи увеличенія надѣла*, предоставленнаго оному во владѣніе»... Государственные крестьяне ставились къ казеннымъ землямъ въ такое же точно положеніе, въ какомъ стояли освобожденные крестьяне къ помѣщичьимъ землямъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, переселенія на казенныя земли,—которыя Киселевъ предполагалъ усиливать, въ видахъ лучшаго устройства государственныхъ крестьянъ, — прекратились надолго, возобновившись, силою крайней необходимости, лишь въ 1889 г., но уже на другихъ началахъ, въ другомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ иныхъ правилъ, весьма мало напоминавшихъ прежнія. Государственные крестьяне сдѣлались «крестьянами-собственниками», но какъ права ихъ на землю, такъ

и многія другія стороны ихъ положенія,—остались неопредѣленными, неясными ¹⁾...

За преобразованіемъ положенія государственныхъ крестьянъ вскорѣ послѣдовало преобразование, на такихъ же точно «нивелирующихъ» началахъ, положенія поселянъ бессарабской области, колонистовъ и пр. Всѣ сельскіе обыватели слились въ однообразную массу «крестьянъ-собственниковъ», съ правами, основанными въ значительной степени на законахъ, созданныхъ для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, безъ всякой ихъ переработки, безъ всякаго приспособленія къ совершенно различнымъ экономическимъ, юридическимъ и этнографическимъ особенностямъ. Всѣ разнообразныя отѣнки исторіи русскаго крестьянскаго сословія стерты разомъ, — хотя, конечно, никогда не исчезнуть на дѣлѣ. Чтобы выяснить отношенія къ законодательству 19 февраля 1861 г. всѣхъ другихъ разрядовъ сельскихъ обывателей, — кромѣ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ,—и нужно, такимъ образомъ, указаніе на числа: 26 іюня 1863 г.; 18 января 1866 г.; 14 іюля 1868 г.; 4 іюня 1871 г., и пр., и пр.

IV.

Каковы именно свойства самыхъ законоположеній 19-го февраля 1861 г., получившихъ столь широкое общее значеніе? Кажется, они достаточно извѣстны. Мы не одинъ разъ подвергали ихъ точному изслѣдованію на страницахъ «Наблюдателя». Могли ли быть удовлетворительны эти законоположенія? Безъ сомнѣнія, нѣтъ,—такъ какъ составлялись они для переходнаго состоянія, въ которомъ сохранялись еще различныя черты состоянія, пережитаго крѣпостными крестьянами. 19-ое февраля 1861 г. славно разрѣшеніемъ важнѣйшей задачи, какъ день принятія болѣе или менѣе *общей* освободительной мѣры, въ отличіе отъ многочисленныхъ *частныхъ* мѣръ, дотолѣ принимавшихся. Второстепенная задача устройства быта освобожденныхъ крестьянъ, безъ перевода ихъ прямо въ положеніе государственныхъ, не могла быть осуществлена разомъ тогда же. Въ этомъ отношеніи, было сдѣлано много *относительно* хорошаго сравнительно съ тѣмъ, чтó было при существованіи крѣпостной зависимости, но весьма мало *безотносительно*, или сравнительно съ тѣмъ, чтó имѣлось для государственныхъ крестьянъ. Законоположенія 19-го февраля необходимо подлежали дальнѣйшему правильному развитію, и въ непродолжительномъ времени.

¹⁾ Нельзя не указать, кстати, какъ неблагодарна память русскаго образованнаго общества по отношенію къ П. Д. Киселеву,—этому энергичному борнику идеи законности и *первому* дѣятелю освобожденія. Умершіе враги его могли бы порадоваться, — могутъ порадоваться и оставшіеся въ живыхъ: его учрежденія не поняты, не оцѣнены до сихъ поръ; самъ онъ почти забытъ, и ему не оказалось, напримѣръ, мѣста въ біографической бібліотекѣ г. Павленкова!.. Нимало не сомнѣваемся, однако, что забвеніе это будетъ непродолжительно, и что созданные по его проектамъ уставы и учрежденія будутъ возстановлены въ первое же время, когда возникнутъ *серьезныя* предположенія о *систематическомъ* и *общемъ* упроченіи юридическаго и экономическаго быта сельскихъ обывателей.

Но этого развитія они не получили до сихъ поръ. Юридическое и экономическое положеніе всей, одинаково поставленной нынѣ, массы крестьянскаго сословія—все еще представляется шаткимъ. Оно настоятельно и настоятельно требуетъ вниманія къ себѣ. Не признана еще вполне необходимость *общаго* упроченія и улучшенія крестьянскаго быта. Дѣлаются лишь предположенія о различныхъ *частныхъ* измѣненіяхъ. Въ разныхъ губерніяхъ работали и работаютъ, въ текущемъ году, надъ этими вопросами мѣстные комисіи; въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовывается особая центральная комисія. Скоро должны составляться окончательные проекты новыхъ законоположеній. Весьма важно въ такомъ случаѣ направленіе, которое будетъ избрано для этихъ преобразованій, хотя и частныхъ, но несомнѣнно, силою вещей, могущихъ перейти въ общее, систематическое преобразование. Какая идея должна бы ихъ проникать? Чтѣ желательно, какъ основаніе для реорганизаціи различныхъ сторонъ положенія крестьянъ,—*обычай* ли, характеризовавшій положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, или *законъ*, утверждавшій права и обязанности крестьянъ государственныхъ? Едва ли могутъ быть какія либо сомнѣнія по этому предмету. Законъ сказался уже однажды въ замѣчательномъ, до сихъ поръ неизгладившемся, устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ; съ нимъ соединяли всегда свои желанія объ устройствѣ и освобожденіи крестьяне помѣщичьи и всѣ истинные поборники ихъ интересовъ. Вмѣстѣ съ прочими гражданами, крестьянство должно желать, и желаетъ упроченія не обычая, а закона со всѣми его гарантіями. Государственная власть, поставленная на стражѣ общихъ интересовъ, не можетъ стоять на иной точкѣ зрѣнія, и—можно имѣть увѣренность, что именно идея *законности*, устанавливаемая въ нашихъ «основныхъ законахъ», будетъ проникать предполагаемыя преобразования въ положеніи крестьянъ. Новѣйшая реформа 12-го іюля 1889 г. дала, кстати, своими *отрицательными* сторонами, возможность правильно сознать общіе важнѣйшіе недостатки нынѣшняго положенія крестьянъ и средства къ ихъ уврачеванію. По первоначальнымъ предположеніямъ, земскіе начальники должны были въ весьма значительной степени освободиться отъ руководства закономъ и получить болѣе широкое право развивать «обычные» порядки въ сельской средѣ; право наказанія крестьянъ «безъ всякаго формальнаго производства» доводилось, по этимъ предположеніямъ, до примѣненія розогъ; даже и судебную дѣятельность земскихъ начальниковъ не имѣлось въ виду обставить достаточно подробными правилами закона. Предположенія эти, къ счастью, не осуществились вполне. Но всѣ согласны, кажется, въ томъ, что обычай и въ той степени, въ какой онъ допущенъ неясностью, неопредѣленностью и краткостью законоположеній 12-го іюля и 29-го декабря 1889 г.,—не можетъ служить руководящимъ началомъ и въ сельской средѣ. Идея законности, подвергшаяся нарушенію, получила весьма яркое, единодушное признаніе, и—отступленіе отъ нея можно уже считать невозможнымъ...

Н. Дружининъ.

ПРОМЕТЕЕВО ПОТОМСТВО.

Романъ изъ исторіи послѣднихъ дней независимости Абхазіи.

Часть первая.

XI.

Что же дѣлала въ это время Эсма-ханумъ, изъ-за которой пролито было столько крови?

Въ своей невинности она ничего этого не знала и не подозрѣвала. Она оставалась въ осажденной крѣпости. Смутно тянулись дни за днями, не принося никакого утѣшенія. Каждый день съ утра до ночи она слышала только грохотъ пушекъ за стѣнами крѣпости и такіе же отвѣты на этотъ грохотъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Лицо ея отца съ каждымъ днемъ становилось все сумрачнѣе и сумрачнѣе. Каждый день въ крѣпости хоронили кого нибудь изъ ея защитниковъ, а иной день по десяти и болѣе труповъ и раненыхъ сносили со стѣнъ укрѣпленій, и ряды защитниковъ ея роднаго города убывали съ каждымъ днемъ. Лѣто давно миновало, и наступила осень съ ея дождями и туманами. Прежде дѣвушка любила кататься по морю на разукрашенномъ и расцвѣченномъ катерѣ ея отца, или скакать верхомъ по живописнымъ окрестностямъ Поти; а теперь и это все кончено:—всѣ они заперты въ стѣнахъ крѣпости, какъ въ тюрьмѣ. Прежде она была бы счастлива присутствіемъ своей пріятельницы, Дады; но теперь, послѣ ихъ разговора на берегу моря, теперь... Дада была колючимъ терніемъ въ ея сердцѣ.

Въ душѣ ея, однако, глубоко таилось одно утѣшеніе—это присутствіе въ крѣпости Арсланъ-бея. Чѣмъ больше она думала о немъ, чѣмъ чаще встрѣчалась съ нимъ, тѣмъ болѣе заполнялъ ея юную душу образъ этого молодого героя Абхазіи, который, послѣ восторженныхъ разказовъ о немъ ничего не подозрѣвавшей Дады, вырослъ въ душѣ ея до чего-то недосягаемаго. Быть близко къ этому недосягаемому божеству, заслужить его вниманіе, а потомъ... потомъ... Да отъ одной мысли объ этомъ у хорошенькой тур-

